

Администрация МО «Аларский район»
Комитет по культуре
Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Межпоселенческая центральная библиотека
им. А.В. Вампилова

АЛЕНА ШИПИЦЫНА

РАССКАЗЫ

Кутулик, 2016

Составитель: М.А.Атанова
Комп.верстка, дизайн: М.Н.Дамбуева
Отв. за выпуск: В.Т.Петрова

Шипицына, А.В. Рассказы / Алена Шипицына. –
Кутулик : МБУК МЦБ им .А.В.Вампилова, 2016 . – 17 с.:
фото.

Тираж: 100 экз.

© МБУК «Межпоселенческая центральная библиотека
им.А.В.Вампилова»

16+

Предисловие

Алена Викторовна Шипицына (Иванке) – уроженка деревни Улзет Аларского района, настоящая коренная сибирячка. Росла в атмосфере добрососедства и сельской идиллии, о которой вспоминает с теплом и ностальгией. Читать начала с трех лет, отец с радостью поддерживал интерес дочери, скупал все детские книжки в окрестных магазинах.

Видимо, вдохновленная чтением Алена творила смалу – под услышанную мелодию сочиняла стихи, на ходу складывала забавные комментарии к событиям, будь то домашние забавы или кухонные заботы...

В четыре года с семьей переехала в село Аларь. С девяти лет росла без отца. Закончила Аларскую среднюю школу.

В 1977 году в районном центре Кутулик победила в юношеском литературном конкурсе им.А.В.Вампилова. Будучи студенткой, участвовала в ряде конкурсов, сотрудничала с газетой «Черемховские новости». В 2001 году стала лауреатом конкурса «Поэт года» на литературном сайте стихи . ру. В этом же году десять стихотворений были включены в книгу «Сборник стихов. Книга восьмая», изданную ООО «Авторская книга» , в Москве. По силам оказался ей и конкурс на создание Иркутской азбуки для первоклашек в стихах. Награждение проходило в Доме литераторов на ул. Степана Разина. Директор Дома литераторов Юрий Иванович Баранов, ознакомившись с рукописью стихов Алены, посоветовал ей посещать ЛИТО В.П.Максимова.

С поэзией Алены Шипицыной я соприкоснулся в январе 2013 года в Иркутском Доме писателя. Несмотря на то, что стихи нуждались в шлифовке, они произвели сильное впечатление.

Более поздние сочинения имели все меньше и меньше изъянов, чувствовался авторский рост.

Работать с Аленой легко. Она с пониманием и благодарностью принимает конструктивную критику, касающуюся нюансов и литературных приемов, учитывает пожелания, но при этом убедительно отстаивает свой почерк в принципиальных для нее вопросах.

После совместного с ней выступления на радио, я укрепился во мнении, что эта молодая женщина обладает недюжинным талантом, смелостью, имеет свой неповторимый голос, творческий почерк и право на личное мнение и позицию. Ее поэзия далеко не провинциальна. Палитра автора насыщена различными жанрами – от эпических, исполненных прибайкальского колорита поэм и сказок, до едко – иронических памфлетов и тонко-лирических, патриотичных стихов о малой родине – деревне.

Могу ответственно сказать, что молодые авторы с таким богатым видением сегодня особо редки. Думаю, что задача опытных именитых коллег состоит в том, чтобы ставить на крыло молодую смену, которая станет украшением русской словесности.

Смею полагать, что ее творчество станет достойным продолжением исконно сибирской, традиционной поэзии.

*«Дайте только воздуха и ноту,
Я пробьюсь струной на сотни лет.
А не то, мечом возьму свободу.
Мне простят. Мне можно. Я – поэт».*

Она, действительно, поэт перспективный, оригинальный, с сибирским стержнем, объемным мышлением, чистыми устремлениями в Слово.

*Андрей Мирошников,
член Союза писателей России.*

КУМЫС

- Что это у вас, и самогонка японская? – Олежка, двоюродный брат, приехал с родителями в гости из Иркутска. С утра он уже успел познакомиться с «японской» травой крапивой, с головой нырнул в нее при попытке проникнуть на пасеку.- Странная эта ваша деревня Улзет. Комаров нету, зато трава кусается. Зайцы под ногами бегают, ягода сладкая без хозяина растет. Странно. По – японски как-то.

Мне четыре года. В Улзете я главная хозяйка. Гостей встретить, в лес сводить, грибные места показать – это все ко мне. Дорогу до корпуса и столовой знаю в мельчайших деталях.

- И совсем это не самогонка, - возражаю я брату, хотя еще не знаю, что означает это слово. – И не японская. Это кумыс – наш, улзетский.

Дядя аккуратно развязывает веревочку, которой обмотана резиновая пробка на бутылке с кумысом, пробку он крепко прижимает большим пальцем. У него уже есть опыт в этом деле.

Кумыс требует уважения, с ним нельзя обращаться небрежно. Веревочка поддается, дядя осторожно вытаскивает пробку, и кумыс, пенясь и шипя, вырывается наружу.

-Какой игривый напиток, - удивляется Олежкина мама.

Летом всех гостей я обязательно отвожу в кумысарку. Откуда бы к нам не наведались родственники – кумыс для них экзотика.

Тетя Соня – местная кумысарщица – знает все секреты этого целебного напитка. Сегодня она выдала мне полную авоську, бутылок шесть, не меньше.

Дядя пьет из бутылки с удовольствием, причмокивает, хвалит. Тетя из стакана пробует маленькими глоточками, делает небольшие перерывы, привыкает.

- Знаете, из чего его делают? – не терпится мне блеснуть знаниями.

- Из коровьего молока, наверное, - предполагает тетя.
- Из конского, - опережает меня дядя.
- Коней еще и доят? – глаза у тети заметно округляются.
- Кобыл,- уточняет дядя.

Я быстро выпиваю свою порцию. Братишка морщится, дурачится, делает вид, что захмелел от одного глотка.

Приходят местные ребята. Одни пьют, не отходя от кумысарки, другие несут зеленые и коричневые бутылки домой.

- Ой, я сейчас точно опьянею, - выдает Олег.

- Ты что! От него не опьянеешь. Это же лекарство. Я все лето его пью, зато зимой ни разу не простужалась, - сообщаю я брату.

- Не верю, зимой все простужаются, даже дед, хоть он на войне героем был.

- А ты попробуй, выпей все до дна и точно не заболеешь.

Подумав, брат одним махом опустошает коричневую «чебурашку»:

- Ого! Похорошело! Японский кумыс!

- Да говорю же не японский. У нас тут ничего японского не бывает.

- А какое же еще? Я вообще думаю, что мы в Японию приехали. Все у вас тут японское, люди тоже японские.

- Вот ты даешь! Люди у нас свои родные. У нас тут все русское и бурятское.

Земля русская и бурятская, трава тоже и люди тоже.

- А бабай у вас есть?

- Конечно, есть. У нас даже бохалдэшки есть.

- Кто такие, покажешь?

- Как я их тебе покажу. Они же привидения.

Гуляем по Баторовской роще. Потом идем до Аршана – лечебного источника. Набираем минеральной воды. Умываемся. И к обеду возвращаемся домой.

- Как-то быстро я привык к этому вашему кумысу - за обедом говорит Олег.- И бохалдэшек увидеть хочется.

- Оставайся на лето у бабушки, - предлагает ему дядя, - будешь с сестренкой играть, здоровье поправишь.

Вечером провожаем дядю и тетю на автобус. Братишка остается на все лето в Улзете.

Каждое утро он будит меня ни свет ни заря, чтобы первыми прибежать за кумысом.

Много приключений случилось у нас в это лето: удалось тайно проникнуть на пасеку, повезло встретить косулю и отыскать пень в виде лешего.

К первому сентября Олег уехал в Иркутск. Он пошел в первый класс. А после Нового года написал мне письмо: «Здравствуй, моя дорогая сестренка! Я уже учусь в школе. Мне папа сказал, что ты научилась читать. Я получаю пятерки и другие отметки. Осенью и зимой ни разу не простужался. Знаю, что это ваш японский кумыс дал мне такое крепкое здоровье. Дед кашляет.

На следующее лето приеду с ним, пусть тоже подлечится. Учись писать и пиши мне ответ. Твой брат Олег».

Я прочитала это письмо и подумала, что хорошо бы всех героев вылечить и всех детей. Хорошее у нас место - Улзет. Санаторий хороший. И кумыс, хоть и не японский, зато самый лучший.

МОЕ ПЕРЕСТРОЕЧНОЕ

Мое перестроечное детство началось в олимпийском 1980 году, в деревне Улзет.

Улзет – это не Средняя Азия, как многие предполагают, услышав название. Это райское местечко в заповедной Баторовской роще.

Тогда деревня жила, работала, строилась и развивалась, теперь погружена в летаргический сон, не имея ни малейших надежд на пробуждение.

Сейчас жилых дворов там осталось совсем мало – три – четыре, не больше.

Раньше постоянно проживало около двадцати семей. Все взрослое население работало в туберкулезном санатории. Людей, находящихся на лечении, называли «отдыхающими». Отдыхающие приезжали со всех уголков СССР, поэтому всегда было весело, интересно и пестро.

Гости из разных стран частенько привозили гостинцы для аборигенов, за что получали почет, особое отношение и легкую зависть окружающих. Но все эти привилегии были временны, так как заезд производился довольно часто, а новым гостинцам радовались больше прежних.

Не помню, чтобы во времена проживания в Улзете, мы покупали чай, его моим маме и бабушке постоянно презентовали гости из Грузии и Таджикистана. Добряки из Якутии одаривали оленьими шкурами и меховыми шапками. А умельцы, вернувшиеся из мест лишения свободы, шили из шкур унты, варежки и другие полезные изделия.

Разный народ бывал в нашем чудном местечке. Художники заезжали, спортсмены, ткачихи и крановщицы. Был однажды певец без голоса. Был дед, который деньги умел рисовать. Каждому свой рассказ требуется. А пока буду рассказывать о своей девчоночьей жизни.

Мама с бабушкой обе работали в санатории. Одна - в столовой, другая на двух работах: в прачечной – прачкой и в корпусе – санитаркой.

Работники санатория не болели туберкулезом, но

столовской кормежкой не брезговали. Больным полагалось усиленное питание, продовольственное обеспечение было на высоте. Работники столовой готовили с душой и домой тащили полные сумки.

Все у нас было хорошо. В маленьком улзетском мире люди были сыты и довольны. Зарплаты приличные, даже высокие. Один недостаток был в санаторной деревне – негде тратить деньги.

Каждый выходной (а был тогда один общий выходной – воскресенье – и индивидуальный у тех, кто работал посменно) тянулась цепочка ходоков в соседнее село.

Село Аларь значительно больше Улзета. В восьмидесятые годы население Алари приближалось к двум тысячам душ. И, конечно же, там были магазины.

Помню большой Хозяйственный магазин, в нём всегда приятно пахло краской, клеенкой и чистотой. Тогда почему-то казалось, что именно так и должна пахнуть исключительная чистота – свежей, купленной на Пасху клеенкой, немного голубой эмалью, которой по весне красили окна, и еще новым веником, запаренным в эмалированном тазике крутым кипятком из большой желтой кастрюли.

В Продуктовом магазине продавались конфеты. Я любила только желтенькие драже и коричневые подушечки. О, это были чудесные подушечки: щедро посыпанные какао, стеклянно-карамельные с нежнейшей начинкой из яблочного повидла. Мне были свойственны гастрономические странности, поэтому коричневые подушечки я поглощала вприкуску с белым хлебом, запивая холодным домашним молоком.

Но мои вкусы мало кто разделял. Взрослые, а вслед за ними и дети, с придыханием восклицали: «Муза», «Балет», «Балет», «Муза»... Это были два вида шоколадного восторга, которые неизменно присутствовали на прилавках Продуктового.

Меня впечатляли огромные кубы сливочного масла местного производства, сорокалитровые фляги свежайшей ароматной сметанки, только что с фермы, желтые головы сыра, изготовленного на аларском маслозаводе.

Еще нравился шербет, его привозили редко, он был желтый, очень сладкий, липкий, мягкий и ...нереальный. И

голуметский хлеб нравился – белый, высокий, ноздреватый, с крепкой зажаристой корочкой. За ним всегда выстраивалась очередь. В особенно морозные зимние дни ожидающие угадывали приближение машины по теплomu жизнеутверждающему аромату свежей выпечки. Такого хлеба не было и нет нигде больше. В 90-е закрылся хлебозавод в Голумети, и этот продукт исчез с прилавков навсегда.

Был и еще один Продуктовый, но он остался в памяти сереньким, плохо освещенным закутком. По-моему, там не продавалось ничего, что могло бы удостоиться моего внимания. Какие-то плоские горьковатые пирожки из совхозной столовки, какие-то помадки – невнятные полуконфеты с неполноценным названием. Еще там продавалось молоко с той же фермы, что и сметанка в большом Продуктовом.

Тетка в сине-белом чепчике разливала парное молочко по бидонам, банкам и маленьким баночкам.

- Крышки снимайте, - орала тетка, - у меня не семь рук. Снимайте крышки, живенько, живе-о-хонько. Не тележиться!

- Хамка, - жаловались медлительные пенсионеры.

- Поговорите мне. Стою тут с шести утра, как доярка к утренней дойке, чтобы мне каждая собака выговаривала, - выплескивала недовольство тетка.

В большом Продуктовом было светло и просторно, продавщицы вежливые, в белых одеждах. Мне казалось, что эти два магазина – два разных мира. Один – детский, справедливый и праздничный, а другой – старушечий и безнадежный. Первый мне был ближе и приятней.

На самом деле в Алари был еще и третий Продуктовый, прозванный «ферменским», но он располагался не в центре, и узнала я о нем через несколько лет, когда мы переехали в Аларь насовсем.

Промтоварный - просторный, сверкающий и яркий. Платки, сарафаны, суконки и майки - все покупалось там. Перед Новым годом он становился еще более нарядным, тогда мне думалось, что этот магазин и есть – Москва, которая «необъятная столица нашей Родины» и о которой так много говорят по телевизору.

Иногда в центре магазина выставлялся блестящий

красный «железный конь».

- ИЖ Ю – пи – тер, - тренировала я навыки чтения. В трехлетнем возрасте мечты о ночных гонках под рев мотора еще «не срывали башню». Но обладать этой мощной машиной хотелось даже мне.

Когда рядом с ИЖом появился такой же красный и железный, такой же двухколесный самокат, я тут же поспешила завладеть им и, собрав все свои малышовые силы, поволокла к выходу. На тот момент в Промтоварном была еще красная педальная машина, но она не тронулась с места, как я ни старалась ее сдвинуть. В итоге самокат был побежден, входная дверь наполовину открыта, и я, зажатая дверьми, но довольная, наконец, возликовала.

Мама с бабушкой, переглянувшись, поняли, что спорить и уговаривать бесполезно, и расплатились за мою «кражу».

Магазины имели большое значение для селян – это и выход в свет, и возможность похвастать кошельком или узелком с заначкой, это и бесплатный театр, а порой даже цирк. Но в моей мечтательной детской душонке важнейшее место занимал Книжный, он же Комиссионка. Небольшой деревянный домик с крыльцом в пять ступенек, надежно укрытый от дорожной пыли тополиной аллеей.

- Здравствуй, девочка, здравствуй, - тепло приветствовала тетя Фрося.

Я собирала все книжные новинки, перебирала красивенькие ручки и карандашники, вдоволь любовалась картинками на взрослых книжках, а затем переходила на половину комиссионную. Там всегда было много глазающих женщин. В их взглядах читался немой восторг и едва уловимая мольба: «Пусть это станет моим!», «Как же я хочу эту нейлоновую рубашку, и эти чешские туфли, и этот поясок». Особой популярностью пользовались джинсы, которые почему-то всегда были японскими.

Но раскупали комиссионный товар не сразу. Тетки старались делать эти покупки так, чтобы другие не знали, - стыдно кидаться на «буржуазное барахло». Тетя Фрося не была сплетницей, потому перед нею покупательницы страха не испытывали. А когда обновки «выходили в свет», история их

появления становилась совершенно иной: «Ой, ты знаешь, Верочка, по большому благу доставали, по большо-ому благу, с Иркутска, считай, три месяца ждали...» Блат при любом магазине возвеличивал «блатующую» личность до недосягаемых высот. С большим блатом можно было смело заявлять: «Да что мне ваш председатель!» Но все же лучше было такие заявления делать шепотом.

- Взяла книжки? – спрашивала мама, подталкивая меня к выходу, - Пойдем, тут для тебя ничего нету.

- Как же нету! – возмущалась я. – Как же нету?! А ботинки желтые!

- Что за ботинки? Покажи.

Мне редко отказывали в обновках, в предвкушении очередного приобретения я волокла мать к здоровенным желтым замшевым ботинкам.

- Вот они!

- Ой, божечки! – всхлипывала родительница, прикладывая руку к груди. – Божечки, они с тебя размером, в таких только мужики ходят. Охотников видела? Они ходят и трактористы.

- Я тоже хочу, как охотники, купи, а?

Капризы и слезы в этом деле не были моим оружием, но в случае с ботинками уступать не хотелось.

- Ма-а-ам, - выдувая слюни, канючила я. Из глаз уже катились слезы, а мама была уже готова к решительным мерам, как вдруг! Фата! Настоящая невестина фата попала в поле моего зрения, а за нею на вешалке была еще одна и рядом на стеклянной полочке лежали белоснежные веночки. Это были диковины диковинные, ценности наипценнейшие!

- О! Это купи!

Мама, похоже, была уже готова на этот отчаянный шаг, но слишком баловать меня было не в ее правилах, а бабушка в этот раз стояла в очереди в каком-то из продуктовых, и на ее «слабый характер» рассчитывать не приходилось.

- Купишь, я ботинки просить не буду.

- Пойдем, нас баба, поди, потеряла.

- Ну, одну купи. И конфеты не надо.

- Пойдем, говорю, а то ночь скоро, нам до Улзета еще

семь километров переться.

- Ну, ма-а-а. Хотя бы вено- очек.

- Тебе сколько лет? Какой веночек? Придем домой, получишь. Быстро пошла вперед!

Такое положение дел мне было не по душе. Если уж что-то совсем не по – моему, то нужно постараться до победного.

- Хочу быть невестой.

- Не вымогай лучше. Не доросла еще до невесты.

- Доросла. У меня даже жених есть.

- Что за жених?

- Как же ты не знаешь? Знаешь же, Юра.

- Че еще за Юра. Ты уже хороше-е-нечко выпросила, готовься вечером.

- Да не злись, он хороший.

- Кто такой? Ты меня до дурдома доведешь, в Улзете ни одного Юры. Отдыхающий какой-то?

- Ну, не-ет, из Москвы, певец.

- Кого опять врешь, когда ты в Москве была?

- Не я была, а он к нам заходил.

Мое качество переносить телевизионных людей в реальную жизнь матери было уже знакомо. Она не удивилась заявлению о неведомом госте.

- И что же это за певец такой? Не про «крышу дома» он случайно поет? – уже повеселее и хитро поинтересовалась она.

- А как ты угадала?

- Так он чаще других Юр у нас гостит. А че, может, правда, купим тебе фату, только детскую.

- Вот это да! – такого счастья я уже не чаяла.- Ура-а-а, у меня будет фата, я – невеста-а-а! Выйду замуж за Антонова!

- Только, чур, я выбираю, - поставила условие мать.

- Ладно, выбирай.

Она отошла от вешалки со свадебными аксессуарами и стала перебирать небольшую стопочку воздушных кружевных изделий.

- Дайте две, - обратилась она к тете Фросе.

- Ой, хорошие накидашки выбрали, новые завезли, модные сейчас. Не дорого будет пять рублей за пару?

- Нормально. Мы же фату выбирали.

Тетя Фрося неловко подмигнула матери и мгновенно покраснелась.

- Ну, держи фату, девочка. А вторая кому?

- Маме, она уже у меня до сих пор не замужем.

Теперь покраснелась мама.

На улице мы встретились с бабушкой и, как говорит моя мамулька, «почапали восвояси».

Всю дорогу я выясняла, почему же тетя Фрося назвала мои две фаты накидашками.

- Ты же на голову накидываешь, - пояснила мама, - ткань легкая, накинула и ходишь красиво. И на плечи накинуть можно...

- И на подушку, - вставила бабушка, чем снова ввела меня в сомнения.

Году в 83-м, перед самым Новым годом, в Улзете в фойе столовой открыли небольшой ларек.

Не очень припоминаю весь ассортимент, но главной ценностью торговой точки были бусы, обыкновенные цветные бусы из стекляруса. Товар этот вызвал непредсказуемый ажиотаж, как если бы наши аборигены были не сибирскими, а дикими африканскими.

Будучи от природы не леди, но истинной женщиной, я тоже облюбовала красивенький элемент бижутерии. Мои бусы были почти прозрачными, но переливались, как бензиновое пятно в луже. Это был цвет волшебства. Таких нитей завезли только две, одну из них я загадала Деду Морозу.

Днем 31 декабря у ларька разразился громкий неприличный скандал. Оказалось, что мой Дед Мороз готов был исполнить загаданное желание. Раньше на данный экземплярчик никто не покушался, но, продав одни такие бусики, вторые продавщица решила примерить на себя, а примерив, не пожелала с ними расставаться.

- Бессовестная! – кричала моя мамка.

- Сама бессовестная, - горланила продавщица, - мужиков собралась бусами завлекать ?

- Тьфу, дура позорная, каких мужиков, дочка подарок загадала.

- Вы че, чеканулись, ребенку такой разврат? Вы бы ей еще каблучки с помадой купили.

- Да пошла ты... в одно место, - выдохнул мой «мамка Дед Мороз», за словом в карман она никогда не лезла, на ее остром языке всегда было так много подходящих слов, что бывалые матершинники поскуливали, как псы шелудивые.

- Засунь их себе... и пушай блестят, как гирлянда на елке.

День выдался суматошный. А вечером маленькая деревня дружно провожала старый 1983 год и радостно встречала новый 1984-й.

Продавщица из ларька пришла к нам в гости с мужем и сыном. В подарок они принесли мне бусы, мои бусы.

- Славка давно хотел вашей красоте подарить, а я их себе приглядела. Но он же гаденыш не отцепился: подари моей подружке да подари. Сам изнылся весь и мне кровь свернул.

- Ой, ну и дурища же ты, - резюмировала мамка, - с Новым годом вас, пусть все у вас будет хорошо и у нас тоже! С Новым Годом, доча! Вишь, Дед Мороз-то есть, он все слышит и видит.

Все в деревенской жизни крутилось вокруг магазинов. Какими бы ни были зарплаты – маленькими, большими, люди шли тратить их с удовольствием. Много шуток и анекдотов ходило про удачные и неудачные покупки. И мы к этой теме еще обязательно вернемся.

Перепечатано из журнала «Байкал», № 3, 2016 г.